

СУДЯ по взволнованным голосам, которые доносились из-за двери, проблема, обсуждавшаяся в гостиной, явно волновала собеседников. Во всяком случае входить в разгар беседы мне показалось неудобным, и я решил подождать, пока она закончится. Вдруг один из голосов показался знакомым. Прислушался внимательнее:

— Рекбус, крокворд, большая проблема. Это же надо подумать, целый год — женский. Значит, у них 365 дней и все — Восьмое марта. Да-а! Ведь женщина, она что? Она уважения требует, она подарок ждет, брезенту... Потому что ежели ты без брезенту явишься, она тебя с лестницы схфонтанирует. Это по-научному, вам не понять. В общем ты уже бегишь и кричишь «Ой!» Что это «ой!»? Жена тебя весь год не кормит. Значит, ты бежишь куда? В столовую. Пла-

ГОСТИНАЯ

НЕ СВОИМ ГОЛОСОМ

тишь за что? За количество. А у жены ты имеешь что? Качество. И вот ты день поел в столовой, два, и ты уже не жалеешь, ты бежишь в ресторан и кричишь: «Ой, ой!» Что это «ой, ой!»? Это ты в меню цены увидел. Меню — слово французское, не все меня могут понять. В общем, через месяц к врачу прикандыбаешь, прителепашешься и кричишь: «Стихийное бедствие!» Кто тебе сказал, что оно стихийное? Это же ты его создал. Это же ты же не к Новому году брезент не принес. Так что дарить надо ой, как надо. Только что? Вот это рекбус, крокворд, большая проблема...

И только он кончил, слышу: все вокруг подкакивают. Особенно два голоса выделяются. Тоже знакомые:

— И ты, небось, Маврикиевна, любишь подарки получать?

— А как же, а как же? Знаете, так это приятно, когда ничего не ждешь, и вдруг сюрприз.

— Торт, что ли?

— Ну при чем здесь торт. Сюрприз — это подарок, такой неожиданный, поздравление.

— Кстати, Маврикиевна, голубушка, я тебя тоже хочу поздравить.

— Ой, какая прелесть! Спасибо. А с чем?

— С наступившим.

— На кого?

— Не, она точно ненормальная. Маврикиевна, я тебя с Новым годом поздравляю.

— Спасибо. Знаете, я просто совершенно забыла. Я же сюда пришла на праздничный карнавал.

— О господи, кого же ты будешь изображать?

— Ну, вы знаете, я буду в костюме жар-птицы.

— Жареной, что ли?

— Ну, при чем здесь жареная? Это такой сказочный персонаж.

— Видала я этот персонаж. В кулинарии по рубль семьдесят пять.

— Да при чем здесь кулинария? Это символ, аллегория.

— Какое горе? Всем веселье, а тебе одной горе. На карнавале всегда весело, серпантин бросают, конфетти. Любишь, когда конфетти бросают?

— В банках?

— В бочках. Конфитюр не бросают, конфитюр выбрасывают.

— Ну возможно, возможно. А вы кем будете на карнавале?

— Нет, а ты погляди на меня. Кем я могу быть?

— Ну, глядя на вас... Вы будете Дюймовочкой.

— Маврикиевна, тебе лечиться надо.

— Ну тогда, ну тогда... Вот этот, красавец мужчина, высокий, стройный... Кащей Бессмертный.

— Маврикиевна, у тебя точно ящур был. Ты на карнавал приходи, там и разберешься.

— Я пойду, я пойду. Я пойду туда с приветом...

— Не, ты точно с приветом. Лучше телевизор включи, может быть, что-нибудь интересное показывают.

Послышалось, как в гостиной задвигали стульями, очевидно, люди подсаживались поближе к экрану. Щелкнул выключатель, и через секунду я услышал голос, который невозможно спутать:

— Внимание, внимание! Говорит и показывает Мавриков Теткин. Да, дорогие друзья, наш микрофон установлен в обычной московской квартире. Несколько минут осталось до начала интереснейшей встречи, встречи гостей. Последние приготовления, последние секунды перед встречей. Команда хозяев дома в полном составе вышла на зеленый ковер паласа де ля квартиры. Вот сейчас на кухне сын-юниор готовит лед к предстоящей встрече. Исключительно перспективный спортсмен. За один прошлый сезон им разбито 28 тарелок и пропущено 386 уроков.

На кухню на ураганной скорости врывается муж. Он обходит сына, выходит один на один с холодильником и открывает дверцу. Опасное положение, удар, гол-л-л-од... Гол-л-л-од замучил мужа. А удар в последнюю минуту наносит жена. В отчаянном броске, казавшемся бы, в безвыходном положении жена накрывает бутерброд рукой и прижимает мужа к стенке холодильника. Правильно, жесточе надо действовать, а то гостям вообще ничего не достанется. За неэтичное поведение и за пререкания с женой муж удаляется из кухни до конца встречи, а жена выходит на центр квартиры, чтобы принимать поздравления гостей...

— А я ее не поздравил, ее не поздравил — вдруг услышал я голос, раздавшийся в гостиной. Вслед за этим раздались щелчки набираемого телефонного номера, и тот же голос произнес:

— Алле, это Люля? Я спрашиваю, алле, это Л-л-юля? Я четко спрашиваю: Люлек, это ты? Алле, как бы вроде это я, твой зайка... серенький, под елочкой... Лежал. Нет, Люлек, я не лежал, честное пионерское, не лежал, ну клянусь, что не под елочкой. Около метро «Багратионовская». Ну, Люлек, это надо знать, это такой военный был, из ЦСКА, ну он еще совет держал в этом... Фитнеском парке... С кем, с кем? Скорее всего с Кутузовским. Только не знаю, где точно, потому что там два выхода. Люлек, я чего звоню, я тебя от всей души хочу поздравить сердечно с тысяча девятьсот семьдесят пятым годом женщин. Люлек, хочу тебя поздравить лично, но не помню, до какой станции лучше всего ползти. До «Рижской»? Удобно, потому что с «Рижской» я сразу перейду на «Жигулевское»...

В гостиной повесили трубку. На секунду все смолкло, и вдруг дверь отворилась, и из нее вышел невысокий молодой человек.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я его, — туда можно зайти? Беседа артистов закончилась?

— Какая беседа? Там же никого нет.

— То есть как это нет! А Аркадий Райкин? А Зиновий Высоковский?

— Но их же там и не было.

— Как это не было? Я же ясно слышал их голоса.

Молодой человек рассмеялся:

— Ах, голоса. Так это я там репетировал.

— Вы? Послушайте, а вообще, кто вы такой?

— Артист эстрады Геннадий Хазанов. А моя профессия на сцене — пародии. Те, что вы слышали, написал А. Хайт.

И все-таки, честно говоря, я ему не поверил. Заглянул в гостиную. Там действительно оказалось пусто. Даже телевизора не было. И я позавидовал человеку, умеющему так хорошо говорить не своим голосом...

У дверей гостиной дежурил В. ШВАРЦ.